

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44
К19

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Каннингем Майкл

К19 Дом на краю света : роман / Майкл Каннингем; пер. с англ. Д. Веденяпина. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-17-115617-6

Майкл Каннингем — лауреат Пулитцеровской премии и Американской литературной премии ПЕН/Фолкнер. “Дом на краю света” — первый роман Каннингема, где он рисует картину жизни Америки шестидесятых-девяностых годов XX века. Насыщенное событиями повествование построено так, что свой взгляд на происходящее излагают поочередно все главные действующие лица: Джонатан — мальчишка из Кливленда, Бобби — его школьный друг, а впоследствии возлюбленный, Эллис — мать Джонатана, а также Клэр, ставшая участницей необычного любовного треугольника.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-115617-6

- © 1990 by Michael Cunningham
- © Д. Веденяпин, перевод на русский язык, 1997
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019
- Издательство CORPUS ®

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

13

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

159

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

365

Посвящается Кену Корбетту

ПОЭМА, СТАВШАЯ ДОМОМ

И, поставив точку, он понял,
Что теперь у него есть гора,
И воздух, которым можно дышать,
И собственная дорога.
Он выстроил пространство, в котором
Все было на своих местах:
И слова, и сосны, и облака,
И совершенная даль, прощающая несовершенство.
Книга обложкой вверх пылилась у него на столе —
И, вечно ошибающийся, он безошибочно вышел
К скале, повисшей над морем,
И, вскарабкавшись на нее, лег,
С изумлением чувствуя, что он дома,
У себя дома.

Уоллес Стивенс

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бобби

Однажды отец купил кабриолет “шевроле”. Ни о чем не спрашивайте. Мне было пять лет. Просто в один прекрасный день он приехал на нем домой, причем с таким небрежным видом, словно купил не автомобиль, а пачку мороженого. Вообразите удивление матери, которая аптечные резинки и те хранила про запас на дверных ручках; мыла и вывешивала сушиться на веревочке полиэтиленовые пакеты, болтавшиеся потом на солнце, как ручные медузы. Представьте, как, пытаясь отбить сырный дух, она скоблит очередной пакет, уже послуживший ей, по меньшей мере, раза три-четыре, а тут подкатывает отец на “шевроле”, подержанном, но все-таки настоящем, с хромированными бамперами, — огромный сверкающий металлический остров, целый мир серебристой автомобильной плоти.

Кабриолет с надписью “Продается” на лобовом стекле стоял в центре города, и отец решил, что он тот самый человек, который способен вот так просто взять и купить. Впрочем, уже при подъезде к дому его маниакальный энтузиазм заметно слабеет. Автомобиль — уже обуза. Застывшая улыбка, с которой он сворачивает к гаражу, идеально гармонирует с акульным оскалом радиаторной решетки.

Разумеется, машину придется продать. Мать к ней даже не подойдет. Нас с моим старшим братом Карл-

тоном один раз прокатят. Карлтон — в восторге. Я настроен скептически. Если отец может купить машину на улице, чего еще от него ждать? Кем делает его этот поступок?

Он везет нас за город. Придорожные стоянки завалены яблоками. На фермерских участках желтеют тыквы. Карлтон в диком возбуждении все время вскакивает на ноги, и его приходится тянуть вниз. Я помогаю. На Карлтоне ковбойский ремень с заклепками. Отец хватает его с одного боку, я — с другого. Мне это нравится. Я делаю полезное дело: помогаю держать Карлтона.

Мы проезжаем большую ферму, застывшую, как корабль на приколе, в волнах пшеницы. Белая крыша призрачно светится в вечерней дымке. Все мы, даже Карлтон, невольно замолкаем. В этом месте как будто есть что-то родное. Коровы жуют траву, деревья отбрасывают длинные тени. Мы — фермеры, говорю я себе, и вместе с тем нам по карману кабриолет! На свете нет ничего невозможного! Когда вечером я еду на машине, мне кажется, что луна плывет следом.

— Мы дома! — кричу я, когда мы проносимся мимо фермы, сам не понимая, что говорю, — от совместного воздействия ветра и скорости в голове у меня явно что-то спуталось. Но ни Карлтон, ни отец ни о чем меня не спрашивают. Мы рассекаем живую тишину. Уверен, что в этот момент всем нам грезится одно и то же. Я запрокидываю голову, чтобы убедиться, что белый шар луны и вправду скользит за нами по бледно-сизому небу. Но вот Карлтон снова вскакивает и что-то кричит, подставив лицо бешеному напору встречного ветра, а мы с отцом тянем его назад, на сиденье этой огромной машины, туда, где ему ничто не угрожает.

Джонатан

В сумерках мы собрались на темнеющем гольфовом поле. Мне пять лет. В воздухе пахнет свежескошенной травой, и в сгущающейся мгле тускло поблескивают песчаные ловушки. Я еду на плечах у отца — одновременно всадник и пленник его огромности. Голыми ногами я, вздрагивая от щекотки, прижимаюсь к его колючим, как наждачная бумага, щекам, а руками держу его за уши — большие мягкие раковины, усеянные мелкими волосками.

В полумраке мамины красные губы и покрытые лаком ногти кажутся черными. Мать беременна — это уже заметно, — и люди уступают ей дорогу. Мы раскладываем свои алюминиевые шезлонги на второй травяной дорожке. Народу по случаю праздника видимо-невидимо. Там и сям над переносными жаровнями поднимаются струйки пахучего дыма. Я забираюсь к отцу на колени, и мне разрешают хлебнуть пива. Мать обмахивается воскресным юмористическим журналом. В сиреновом воздухе над нами кружатся комары.

В тот год для устройства фейерверка на Четвертое июля в Кливленд пригласили двух знаменитых братьев-мексиканцев. Эти братья показывали свои шоу в дни государственных и религиозных праздников по всему миру. Они родились в мексиканской глубинке, там, где хлеб выпекают в виде черепов и мадонн, а фейерверки почитают вершиной искусства.

Представление началось еще до появления первой звезды. Первые номера были невыразительны. Словно поддразнивая собравшихся, братья начали с заурядных двойных и тройных петард, спиральных шутих и аэрозольных радуг, распадавшихся на грязновато-бурые орхидеи цветного дыма. Ничего сног-